

ПРОБЛЕМЫ «НЕДОСТРОЕННОГО ГОРОДА» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1930-х гг.*

Сергей Сергеевич Духанов

Аннотация. В статье рассматриваются причины кризисных явлений в градостроительстве Западной Сибири 1930-х гг. Основное внимание уделяется анализу экономических проблем развития городов. Выявляются финансовые затраты, которые были необходимы для создания новых поселений, реальные капиталовложения в городское строительство, а также факторы, которые ограничивали рост ассигнований. Делается вывод о том, что вопреки реализовывавшейся в период первых пятилеток концепции социалистического расселения стоимость строительства новых городов была выше стоимости их градообразующих предприятий. Это обстоятельство стало одной из основных причин кризисных явлений. Вложения в жилищно-коммунальную сферу были многократно занижены, мощности созданной на местах строительной инфраструктуры на порядок отставали от потребностей гражданского строительства, а размещение новостроек в совершенно неосвоенных местах только усугубило дефицит финансовых средств. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: индустриализация Западной Сибири, социалистический город, «недостроенный город», история советского градостроительства

Введение

В течение XX в. неразвитость городской среды оставалась одной из характерных черт городов Западной Сибири. Тяжелые условия бытования населения влияли на формирование городской культуры западно-сибирских городов и нашли отражение в публицистике, художественной литературе и живописи. Отдельные явления незавершенного городского строительства, такие как нехватка жилья, культурно-бытовых учреждений и отсутствие благоустройства, особенно в новых жилых районах, сохранялись в городах Западной Сибири на протяжении всей второй половины XX в.

Наиболее острые диспропорции в развитии городского хозяйства, несомненно, относятся к периоду 1930-х гг., когда в ходе создания новой угольно-металлургической базы страны в Кузнецком бассейне воз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки России в рамках научно-исследовательского проекта по программе «Формирование государственного задания высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ». Задание № 2014/137.

ник целый ряд новых крупных поселений. Появившийся в это время термин «недостроенный город» как нельзя лучше характеризует зафиксированный в архивных документах облик новых городов Кузбасса: Анжеро-Судженска, Кемерово, Ленинск-Кузнецкого, Киселевска, Прокопьевска и Новокузнецка (с 1932 г. – Сталинск). Острый дефицит жилья, культурно-бытовых учреждений, отсутствие коммунальных предприятий (водопровода, канализации), благоустройства и озеленения – эти характерные черты советских новостроек усугублялись в Западной Сибири суровыми природно-климатическими условиями и географической удаленностью края от европейской части страны. В течение предвоенного десятилетия кризисные явления в застройке новых городов нарастали, а процесс их создания растянулся на многие десятилетия.

Необходимо учитывать и то влияние, которое новостройки оказали на градостроительство края в целом. Н.М. Дмитриенко (2000: 194) и В.Г. Рыженко (2003: 171–172) на примерах Томска и Омска показали, что форсированное строительство в Кузбассе негативным образом сказалось и на развитии исторических городов региона.

Вместе с тем экономические проблемы городского строительства первых пятилеток не только Западной Сибири, но и Союза в целом до сих пор не получили всестороннего освещения.

Исследователи довольно единодушно отмечают фактический «провал программы капитального жилищного строительства в новых промышленных городах» СССР, ответственность за который в 1930-е гг. была возложена на иностранных специалистов и «врагов народа». Декларированные цели не были достигнуты, а подавляющая масса населения новых городов была вынуждена прозябать в землянках и бараках, получая скудный продовольственный паек (Меерович, Конышева, Хмельницкий 2011).

М.Г. Меерович, изучавший концепцию социалистического расселения 1920–1930-х гг., показал, что градостроительный аспект изначально занимал в ней второстепенное, подчиненное положение. Центральные планирующие организации исходили из того, что при советской системе города будут стоять меньше своих градообразующих предприятий. В соответствии с идеей финансовой «вторичности» городов была предложена грандиозная промышленная программа. Она игнорировала зарубежный опыт и предполагала создание десятков новых, так называемых социалистических городов (соцгородов), которые должны были строиться при промышленных предприятиях и равномерно распределяться по территории районов нового освоения (Меерович 2008, 2010, 2012).

Ю.Л. Косенкова обращает внимание на чрезвычайную политизацию советского градостроительства 1920–1930-х гг., когда особую роль в разработке новых градостроительных теорий играли экономисты и ра-

ботники Госпланов СССР и РСФСР. Им «принадлежали самые «смелые» модели будущих соцгородов, они более других были озабочены проблемами формирования нового человека, регламентацией будущей социальной жизни» (Косенкова 2009а: 10–12). При этом в течение 1930-х гг. усиливались тенденции к «волевому», директивному, планированию и отказу от изучения закономерностей экономического развития существующих городов (2009б: 16–17; 2010: 335; 2011: 76).

Сопоставление исходных посылок социалистической концепции расселения 1930-х гг. и результатов ее реализации в Западной Сибири вызывает ряд вопросов. Как на самом деле соотносились стоимости строительства городов и промышленных предприятий? Если города требовали куда меньших затрат, то почему их создание так затянулось? В Западной Сибири к середине 1930-х гг. был накоплен определенный строительный опыт, промышленные гиганты первой пятилетки были введены в строй, а намеченные на вторую – законсервированы. Казалось, теперь ничто не мешало бросить все силы на оказавшиеся в кризисном положении города и достроить их во второй половине 1930-х гг.

Цель статьи – проанализировать роль экономических факторов в градостроительном развитии Западной Сибири 1930-х гг. Задачи: выявление затрат, необходимых для создания новых городов, фактических капиталовложений в городское строительство и анализ факторов, ограничивавших рост ассигнований. Это позволит по-новому рассмотреть масштабы задач, стоявших в ходе индустриализации Западной Сибири, и лучше понять истоки возникших в этот период градостроительных проблем.

Источником исследования послужили документы Западносибирской краевой плановой комиссии (Государственный архив Новосибирской области, Ф. Р-12) и Главного управления коммунального хозяйства РСФСР (Государственный архив Российской Федерации, Ф. А-314), позволяющие рассмотреть экономические проблемы городов Западной Сибири с точки зрения специалистов коммунальных и плановых органов. В работе использован историко-сравнительный метод – сопоставляются свидетельства основных участников градостроительного процесса: местных властей, стройуправлений предприятий и центральных организаций.

Обсуждение

Индустриализация Западной Сибири шла в русле общесоюзных тенденций. В одном из изданий Западносибирского краевого Совета народного хозяйства за 1932 г. писалось: «природа советской экономики» в том, что в ней доминирует «принцип равномерного размещения производительных сил» на территории страны. Это считалось важней-

шим отличием от Западной Европы и США, где стремление экономить на жилищном и культурно-бытовом строительстве заставляло размещать новые промышленные предприятия в существующих городах: там, «где в наличии постоянная безработная резервная армия, являющаяся прекрасным объектом эксплуатации». В СССР же, напротив, главной является «не погоня за дешевой рабочей силой <...> а такое размещение, которое позволяет поднять материально-культурный уровень трудящихся на небывалую высоту» (Трелин 1932: 21).

Однако никаких расчетов, обосновывающих экономические выгоды отказа от преимущественного развития сложившихся поселений и перехода к массовому созданию новых городов, в таких публикациях не приводилось.

Документы, отложившиеся в фонде Краевой плановой комиссии, свидетельствуют, что при размещении новостроек в Западной Сибири, как и в целом по Союзу, промышленные объединения Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и его преемника, Наркомата тяжелой промышленности (НКТП) СССР, игнорировали вопросы градостроительства. Как правило, они учитывали лишь эксплуатационные затраты будущих предприятий. Для этого при помощи особых расчетов определялись так называемые оптимальные геометрические точки или центральные транспортные моменты: фокусы наименьших перепробегов сырья и готовой продукции (ГАНО 1929б: 11–12 об.; 1930: 5; 1930–1932: 3–3 об., 5–5 об., 27). Считалось, что постройка в этих условных географических пунктах гигантских предприятий даст значительные экономические выгоды с точки зрения транспортных расходов. Соответственно, предприятия размещались вблизи источников сырья – в неосвоенных районах Южного Кузбасса.

О том, насколько при этом игнорировались местная специфика и вопросы городской экономики, свидетельствует ряд фактов, болезненно обнаруживших себя в начале 1930-х гг. Не был учтен потенциал исторических городов, вследствие чего пункты концентрации нового строительства не совпадали с пунктами сосредоточения производства стройматериалов (Омск, Томск и др.) (Бурумов и др. 1932: 15). Когда же обнаружилось, что без этих ресурсов не обойтись, то огромные объемы стройматериалов пришлось перебрасывать на сотни и тысячи километров в Кузбасс и Левобережный Новосибирск. Одних только кирпичей, несмотря на всю нерентабельность таких перевозок, в 1931–1933 гг. было вывезено из исторических городов Западной Сибири для промышленного строительства в районы новостроек 155 млн штук (табл. 1).

Оказался упущен момент продовольственного снабжения новостроек: их разместили в стороне от существовавших автогужевых дорог. До индустриализации те прокладывались «по естественно определившимся

ся грузопотокам», но только к 1935 г. руководство предприятий стало, наконец, осознавать, что «эти дороги не отвечают современному расположению промышленных точек в Кузбассе» (ГАНО 1935а: 59). Возникшие из-за этого проблемы снабжения новых городов усугублялись редкостью сельскохозяйственного населения Кузбасса и маломощностью немногочисленных хозяйств (1933–1934: 25–26; 1935а: 59, 60).

Таблица 1

**Перевозки кирпича из исторических городов на новостройки Западной Сибири
(Зельманович 1934: 35)**

Показатель	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Перевезено кирпича, млн шт.	88	43	24
Задолжено вагонов, тыс. шт.	23	11	6
Переплачено за перевозку, млн руб.	7,0	3,0	1,8

Игнорирование градостроительных вопросов при размещении новостроек оправдывалось идеей «дешевого» социалистического города. Насколько она оказалась оправданной?

Согласно обследованию населенных пунктов Кузнецкого бассейна, проведенному в 1928–1929 гг. Сибкрайкомхозом, «в данных районах развития промышленности требуется постройка почти новых городов». Это станет «огромной проблемой», решить которую будет невозможно без крупных финансовых затрат (ГАНО 1928–1929: 10 об.). Выводы работников местных коммунальных органов соответствовали линии Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД РСФСР. Специалисты ГУКХ еще в 1920-е гг., не без влияния зарубежного опыта, пришли к выводу, что вложения в городское строительство «составляют в общем и целом ценности более высокие, чем вложения в ж.-д., транспорт и промышленность вместе взятое» (1926: 1).

Свидетельства изученных нами архивных материалов по Западной Сибири 1930-х гг., в которых приводятся сведения о стоимости нового городского строительства, соответствуют подходу органов коммунального хозяйства. Они ставят под сомнение теорию о том, что стоимость строительства городов составляла лишь незначительную часть от стоимости строительства их градообразующих предприятий.

Стоимость строительства Первого Кузнецкого металлургического завода составила около 600 млн руб. Капиталовложения в возникший при нем город Сталинск к 1935 г., в полном соответствии с теорией «вторичности» селитбы, достигли 100 млн руб. Однако, как отмечалось в докладе в СНК РСФСР летом 1935 г., они составили лишь «около 9% от общей окончательной стоимости сооружения города» (ГАНО 1933–1935: 1 об.). Дело в том, что для строительства Сталинска (по проекту 1935 г. – на 225 тыс. чел.) требовалась сумма более 1 млрд руб., причем «1 200 млн руб. [–] это стоимость города на левом берегу Томи [т.е.

только Сталинска], не включая городов, которые могут возникнуть около паровозного и второго металлургического заводов» (ГАНО 1935а: 38, 43).

Согласно утвержденной в 1935 г. смете Управления по строительству Сталинского паровозовагоноремонтного завода (ПРВЗ) на сумму в 730 млн руб. стоимости строительства завода и его соцгорода распределялись почти поровну: самого ПРВЗ – 380 млн руб. и соцгорода – 350 млн руб. (ГАНО 1935б: 16, 18). Видимо, стоимость города надо считать преуменьшенной. Стоимость Сталинска, рассчитанного на 225 тыс. жителей, составляла 1,2 млрд руб. Если нормы вложений на 1 жителя в районе строительства были примерно одинаковы (около 5 тыс. руб.), то строительство соцгорода ПРВЗ на 100 тыс. чел. должно было составить не менее 500 млн руб.

Стоимость строительства Кузнецкого транспортно-металлургического комбината (КТМК) составляла около 2 млрд руб. Если принять расходы на 1 жителя равными со Сталинском, то стоимость соцгорода КТМК (на 700 тыс. жителей обеих очередей) должна была составить более 3,5 млрд руб. Кроме того, здесь дополнительными расходами на городское строительство должна была лечь транспортная инфраструктура: строительство коммунальных мостов через Томь, подъездных путей от жилых районов к заводу и т.д. (ГАНО 1933: 50, 56–57).

В 1933 г. был составлен проект планировки Тыргана – нового города для угольщиков Прокопьевского района. Согласно подсчетам проектировщиков стоимость его строительства составляла от 1 до 1,2 млрд руб. Это требовало не менее 100 млн руб. ежегодных вложений. И это несмотря на то, что благодаря увеличению доли облегченного строительства, отчисления на каждого из 400 тыс. жителей удалось снизить до 2,5–3,0 тыс. руб. Однако и этот минимум оказался неподъемным. Представитель Кузбассугля, присутствовавший на обсуждении проекта, заявил, что «100 миллионов в год на жилстроительство в одном только районе мы не сможем выделить», так как ежегодные ассигнования «всего Кузбасса» в целом (и на промышленное и на жилищное строительство) составляли лишь 150 млн руб. Из них, в полном соответствии с теорией «вторичности» городов, на промышленное строительство отводилось 100 млн руб., а на жилстроительство – только 50 млн (ГАРФ 1933: 81–82, 139, 144).

Таким образом расходы, требовавшиеся на создание одного Тыргана, были сопоставимы с вложениями во всю угольную отрасль Кузнецкого бассейна. А ведь кроме Тыргана, аналогичные города для угольщиков планировалось построить в 1930-е гг. и в других районах Кузбасса: Ленинском и Анжеро-Судженском. Кроме того, имелись угольные поселки с более насущными проблемами, чем у только проектировавшихся поселений.

Таким образом, даже при минимальных отчислениях стоимость строительства нового города была сопоставима со стоимостью строительства градообразующего предприятия.

Аналогичная ситуация с финансированием складывалась и в исторических городах Западной Сибири. В Омске в середине 1930-х гг. ежегодные вложения в промышленное строительство составляли более 80 млн руб., а в жилищно-коммунальное – только 12–14 млн (ГАРФ 1935–1936: 43). В Барнауле среднегодовые капиталовложения в промышленность составляли, в млн руб.: в годы второй пятилетки – 40, в третьей – 60, а в город – соответственно не более 8 и 12. Ничтожность этих средств, составлявших, как правило, лишь 10–15% от промышленного строительства, становилась градостроительным фактором «громادного значения»: она серьезно тормозила процесс реконструкции городов (1937: 72 об.–73).

Однако исторические города выгодно отличались от новостроек тем, что в течение столетий существования они постепенно накопили крупные вложения. К концу 1920-х гг. здесь имелись довольно значительные по сибирским меркам жилищно-коммунальный фонд, благоустройство и озеленение. Так, в Томске к 1929 г., согласно данным горкома, капиталовложения в одни лишь учебные здания (втузы, вузы и политехникумы с лабораториями и общежитиями) составляли свыше 100 млн руб., а такие ценности, как библиотеки и музеи, были и вовсе «неизмеримы в рублях» (ГАНО 1929а: 6–7). Томск имел относительно развитое коммунальное хозяйство: действовали и проектировались теплоэлектроцентраль, водопровод, канализация, общественный авто-транспорт, бани, гостиницы и т.д. (17).

Напротив, в новых и сильно реконструируемых городах все средства предстояло вложить в короткий срок. Для этого были нужны сильные стройорганизации гражданского профиля. Между тем финансирование строительной инфраструктуры новостроек строилось из принципа «вторичности» города.

Практически это выразилось в отсутствии или чрезвычайной слабости городских строительных организаций, проблема которых на государственном уровне осталась нерешенной. Об этом говорилось на совещании по строительству Южного Кузбасса в июле 1935 г.: «...при строительстве завода мы в большинстве случаев имеем только одно строящее ведомство, которое ведет работу по строительству завода, в строительстве же города как такового, участвуют почти все наркоматы, все ведомства». Однако ассигнуемые ими средства не могут быть освоены из-за фактического отсутствия городских строительных организаций (ГАНО 1935а: 34).

Например, Анжеро-Судженский горстройтрест в 1936 г. имел гуже-вой транспорт из 30 лошадей «не способных к перевозке грузов по сво-

ей старости», тогда как требовалось иметь 630 лошадей и 10 автомашин, поскольку при строительстве городов Кузбасса были характерны перевозки на большие расстояния: в Анжеро-Судженске камень и песок доставлялись гужом за 39 км. Ежедневно на строительстве горстройтресту требовалось 800 чел., но к концу 1936 г. было только 378, жилой фонд состоял лишь из двух ветхих стандартных домов (ГАНО 1936б: 195–194 об.).

Слабость городских строительных организаций прямо вытекала из финансового положения горсоветов новых промышленных городов. Так, в Сталинске в 1933 г. проживали свыше 200 тыс. чел., а материальная база горсовета соответствовала лишь поселку на 3–4 тыс. чел. К концу 1930-х гг. горсовету принадлежал лишь 1% жилой площади в городе (ГАНО 1933–1934: 40, 139).

Организованный горсоветом Сталинска горстройтрест в середине 1930-х гг. не имел механизмов, документы сообщают о падежах лошадей треста от бескормицы и невыходах на работы по причине «изношенности сбруи», жилфонд составляли несколько землянок, годовая текучесть рабочих достигала 200% и т.д. (ГАНО 1937: 73–76).

Из-за отсутствия жилого фонда городские стройорганизации испытывали серьезные трудности с рабочей силой. Поэтому, например, «горсоветы в Прокопьевске и Сталинске пытаются большинство своих работ вести через аппарат промышленности» (ГАНО 1935а: 48). К чему это вело, свидетельствует пример Анжеро-Судженского горстройтреста, который «пользовался главным образом рабочей силой Рудуправления». Последнее «в нужное ему время снимало рабочих и перебрасывало их на свои объекты строительства и на шахты» (1936б: 195–194 об.).

Неудивительно, что представитель Кузнецкстроя на совещании по строительству Южного Кузбасса в 1935 г. отмечал относительно Сталинска: «...строительная контора при горсовете настолько маломощна, что она, по существу, ничего не дает» и поэтому «до сих пор весь город строился комбинатом» (ГАНО 1935а: 42).

Фактически строительные организации промпредприятий оказались единственными крупными застройщиками в районах новостроек. Однако их возможности по участию в гражданском строительстве были ограничены.

В том же Сталинске в течение пятилетия «Наркомтяжпром должен был вложить в строительство города лишь 35%, или порядка 400 млн руб., Наркомхоз – 13%, Наркомпищепром [–] 3,5%, Наркомлегпром – 3,5%, НКПС – 8,5% и т.д.» (ГАНО 1935а: 41). То есть Наркомтяжпром должен был освоить лишь около трети всего городского строительства, «остальное падает на долю других ведомств». Однако «до сих пор строительство шло почти исключительно по линии Наркомтяжпрома, остальные наркоматы почти совершенно не участвовали в строитель-

стве». В результате возникший к тому моменту при заводе город Сталинск на 95% был построен «за счет средств, материалов, рабочей силы комбината и средствами нашего управления строительства» (ГАНО 1935а: 41).

Годовой темп строительства Сталинска Кузнецкстроем в первой половине 1930-х гг. составлял около 20 млн руб. Строительное управление Кузнецкого паровозовагоноремонтного завода планировало во второй половине 1930-х гг. ежегодно вкладывать в свой соцгород также около 20 млн. Эта сумма определилась в 1935 г., когда стройуправление произвело тщательный расчет имевшихся в его распоряжении ресурсов. При таких темпах создание соцгорода ПРВЗ должно было растянуться почти на два десятка лет (ГАНО 1935б: 28).

Кроме того, средства, выделявшиеся на гражданское строительство по линии промышленных наркоматов, охватывали лишь часть будущего города. В этой ситуации с каждым годом накапливалась так называемая задолженность жилого фонда, а новые города десятилетиями оставались без культурно-бытовых учреждений, коммунальных сооружений (водопровода, канализации, теплофикации и т.д.) и благоустройства.

Вследствие недостатка сил и средств в 1930-е гг. так и не были проведены работы по мелиорации, а оставшиеся от строительства промышленных предприятий дамбы, отвалы, ямы, свалки стройматериалов и мусора, при отсутствии ливневой канализации, только способствовали дальнейшему заболачиванию городских территорий (ГАНО 1933–1934: 126; 1936а: 191).

Из-за отсутствия водопровода и канализации, а также слабости ассенизационных обозов промышленных предприятий и горсоветов территории городов были «чрезвычайно сильно загрязнены» массой выгребных ям (ГАНО 1932: 7; 1933–1934: 9, 38, 139; 1934: 87, 81–82, 134 об.; 1935г: 19–21; 1936–1937: 88).

Сброс неочищенных промышленных и городских стоков превратил ряд речек и логов, разрезавших городские районы, в канализационные коллекторы (ГАНО 1933–1934: 141; 1934: 88; 1936–1937: 97 об., 99 об.).

Новостройки косвенно влияли и на состояние коммунального хозяйства исторических городов. Так, в Томске к 1936 г. все элементы городского благоустройства находились в состоянии «чрезвычайного упадка и износа», поскольку «вследствие недостатка кредитов, не было возможности производить текущих ремонтов» (ГАНО 1935в: 1 об., 2 об.–3).

В течение 1930-х гг. антисанитарные условия новостроек способствовали неоднократным вспышкам эпидемических заболеваний, борьбу с которыми крайне затруднял дефицит жилищно-коммунального фонда (ГАНО 1933–1934: 9; 1936а: 219; 1936–1937: 88).

В докладе Сталинского горсовета в СНК РСФСР в июле 1933 г. отмечалось, что «постоянный жилфонд составляет меньшую часть и в основном может быть сведен к величине жилфонда, построенного ком-

бинатом». Жилой фонд комбината составлял (на 1 июля 1933 г.), в квадратных метрах: постоянный – 88,96 тыс.; барачный – 104,35 тыс.; общий жилой фонд города – 320 тыс. О степени охвата этим фондом населения Сталинска свидетельствует средняя жилплощадь на 1 жителя – 1,48 кв м – вместо нормы в 8 (ГАНО 1933–1934: 5).

Неполноту ведомственного финансирования жилищного строительства для рабочих подтверждает материал исторических городов Западной Сибири. Так, в Барнауле крупнейшим застройщиком был Барнаульский меланжевый комбинат. В 1935 г. на его долю приходилось 65% всего нового строительства в городе – 16,55 тыс. кв м из 25,35 тыс. (ГАНО 1934: 100). Однако Горкомхоз связывал углубление жилищного кризиса в городе именно с ним: «Особенно резкий скачок в понижении жилищной нормы на одного жителя наблюдается начиная <...> с момента строительства Меланжевого комбината», поскольку «приток рабочего населения в город в связи со строительством Меланжевого комбината чрезвычайно в малой степени удовлетворяется жилфондом строящегося социалистического городка Меланжевого Комбината». Резкое понижение жилищной нормы было вызвано тем, что «потребность в жилплощади основной массы рабочих Меланжевого комбината удовлетворяется за счет жилищного фонда города, являющегося и без того чрезвычайно уплотненным и не получающего пополнения» (97–98) (табл. 2).

Таблица 2

Обеспеченность населения Барнаула жилплощадью (ГАНО 1934: 97)

Год	Количество населения на конец года, тыс. чел.	Жилплощадь на конец года, тыс. кв. м	Жилплощадь на одного жителя, кв. м
1929	74,0	383,4	5,2
1930	84,0	388,6	4,6
1931	85,0	391,1	4,6
1932	103,0	393,6	3,8
1933	120,0	408,6	3,4

Казалось бы, в такой ситуации стройуправления промышленных предприятий должны были встретить увеличение ежегодных вложений в поселения для своих рабочих с энтузиазмом. Однако документы свидетельствуют о прямо противоположном явлении.

Это показывает пример Сталинска, который в середине 1930-х гг. был включен в пятерку наиболее значимых новых соцгородов СССР и получил административную и финансовую поддержку союзного значения. К 1935 г. Сталинск был одним из немногих городов РСФСР и единственным в Западной Сибири, у которого был проект планировки, утвержденный высшими инстанциями СССР (ГАНО 1935а: 35).

За счет общесоюзной поддержки планировалось увеличить вложения в городское строительство Сталинска: в 1936 г. – до 80 млн руб., а начиная с 1937 г. ежегодно вкладывать по 100 млн руб. Из вложений 1936 г. по линии Наркомтяжпрома выделялось 50 млн руб., еще 30 млн были средствами других наркоматов. В последующие годы доля вложений промышленности в Сталинск сокращалась и в целом, как уже отмечалось выше, должна была составить около трети (ГАНО 1935а: 37–38).

В июле 1935 г. краевые власти предложили в первые годы все вложения проводить через наиболее мощную строительную организацию в городе – Кузнецкстрой. Однако представитель последнего называл вложения даже 1936 г. «суммой колоссальной» и сомневался, что Кузнецкстрой сумеет их освоить. Он считал, что ежегодное вложение в город 80 млн руб. означает «гигантские темпы строительства», поскольку «равносильно вложению 200 млн в строительство завода» (ГАНО 1935а: 38).

Кузнецкстрой соглашался вести работы только «на средства, которые выделены Наркомтяжпромом», а рост своей программы по городу с 20 до 50 млн руб. считал предельным. Все прочее городское строительство (30 млн 1936 г. и в перспективе 65% вложений) он предлагал передать Сталинскому горстройтресту, с тем, чтобы «все строительство по линии ведомственных наркоматов велось конторой Горсовета», поскольку «было бы неплохо, если бы город строился двумя организациями» (ГАНО 1935а: 42).

Однако против роста строительной программы горстройтреста до 30 млн руб. категорически возражал Крайисполком. Его представители указывали на крайне бедственное положение горстройтреста, на то, что годовой план 1934 г. по жилстроительству, «тот маленький план, который имел Горсовет, выполнен всего на 5%». Поэтому без сильной стройорганизации и крепкого аппарата в области коммунального хозяйства Сталинский горсовет «не в состоянии справиться с такими крупными работами», а значит, «нельзя делать такого прыжка, чтобы увеличивать программу сразу в 10 раз» (ГАНО 1935а: 48, 51).

Представители Крайисполкома считали: «Пусть главным образом строит промышленность, и она же несет и ответственность». Напротив, горсоветам надо сосредоточиться на эксплуатации построенных промышленностью городских коммунальных сооружений и организации общественного контроля за качеством строительства (ГАНО 1935а: 48–51).

Чем было вызвано нежелание промышленных стройуправлений и краевых организаций увеличивать объемы своих строительных программ? Обозначившийся в годы первой пятилетки резкий отрыв потребностей городского строительства от возможностей городской строительной базы в 1930-е гг. так и не был ликвидирован. В этих условиях механическое увеличение вложений оказалось неэффективным.

К началу индустриализации в Западной Сибири была слабо развита местная промышленность стройматериалов: производство арматуры, метиза, скобья, красок, стекла и т.п. (ГАНО 1935а: 41–42).

Подсобные цеха промышленных предприятий не предназначались для обеспечения полноценного гражданского строительства, имевшего свою специфику. Они не производили большую часть строительных материалов, конструкций и инженерно-технического оборудования, необходимых для жилых и культурно-бытовых зданий. При утверждении строительных смет предприятий подсобные производства к тому же служили резервом для уменьшения затрат и сокращались (ГАНО 1935а: 41–42).

Кроме того, у комбинатов-гигантов первой пятилетки, как правило, была очень узкая специализация общесоюзного масштаба, что крайне ограничивало их помощь местным новостройкам.

В абсурдной ситуации оказался гигант первой пятилетки – Кузнецкий металлургический комбинат: крупнейшее промышленное предприятие «несмотря на то, что оно находится в лесу, не имеет леса», а производя металл, «не имеет металла на строительство» (ГАНО 1935а: 42). Завод не мог эффективно помочь плану электрификации железных дорог Кузбасса, в котором был сам заинтересован. Железнодорожники планировали отказаться от установки неэкономичных деревянных мачт для контактной сети и перейти на металлические. Однако, как сообщил главный инженер комбината И.П. Бардин, тот выпускал только промышленные рельсы, хотя было очевидно, что при использовании металлического профиля «и металла меньше уйдет и будет более красивая мачта» (73–74).

Строительные суррогаты, те же рельсы, широко применялись и в гражданском строительстве. В отчетах по обследованию Сталинска в 1937 г. отмечалось, что «без доказательств экономичности на всех постройках деревянные балки перекрытий заменены железными, железобетонные перемычки заменены рельсами и балками» (ГАНО 1937: 76). В то время эти факты рассматривались как очевидное вредительство.

Низкие темпы освоения капиталовложений в 1930-е гг. были связаны также с отсутствием механизации на строительстве новых городов. Из-за этого «само строительство велось такими методами, которыми большой город построить невозможно» (ГАНО 1935а: 47).

Несмотря на намечавшийся во второй половине 1930-х гг. рост капиталовложений в городское строительство, центральные планирующие организации не смогли выделить крупные ассигнования на соответствующее расширение городской строительной базы. Это обнаружилось на совещании по строительству Южного Кузбасса в 1935 г. В угольных районах механизация планировалась только в области угледобычи и капитального промышленного строительства. Новые под-

собные предприятия для обеспечения городскихстроек даже не проектировались (ГАНО 1935б: 11, 13–14). Только ставился вопрос о строительстве первого (!) стекольного завода для Кузбасса и т.д. (32).

Без соответствующей строительной базы годовые планы по жилищно-коммунальному и культурно-бытовому строительству регулярно не выполнялись. Средний процент выполнения таких планов, например, в Сталинске, составлял в середине 1930-х гг. только 42,6%, а это был наиболее благополучный город Кузбасса. В качестве причин срыва программ жилищного строительства назывались отсутствие рабочей силы, гужевого транспорта и подъездных путей к строящимся зданиям, а также недостаточное снабжение строительными материалами и изделиями: стеклом, гвоздями, санитарно-техническим оборудованием, лесом, известью, цементом и т.д. (ГАНО 1933–1934: 47, 48, 73).

В отчетах местных властей 1930-х гг. постоянно говорилось о незавершенности возведенного жилья: «...не доведении строительства зданий и сооружений до полной их технической и эксплуатационной готовности». В заселяемых домах отсутствовали санитарно-техническое и инженерное оборудование, отделка и т.п. (ГАНО 1933–1934: 5, 6, 37, 71).

Ситуация первой половины 1930-х гг., когда было «очень много переходящего строительства, которое тянется не два, а три и больше лет», сохранялась и во второй половине десятилетия. Это становилось единственным способом «выполнения» программ гражданского строительства. Например, в Сталинске на 1937 г. планировалось ввести в эксплуатацию только 30 тыс. квадратных метров жилья, а 55 тыс. оставить в качестве так называемого переходящего, т.е. неоконченного, строительства (ГАНО 1935а: 54).

Отставание гражданского строительства ударило по развитию городов и с другой стороны. Резко обострилась проблема рабочей силы. Спецификой Западной Сибири были общая малочисленность населения и крайне редкая сеть сельскохозяйственных поселений, которые почти отсутствовали в Кузбассе. Соответственно, значительный контингент рабочей силы на промышленные новостройки привлекался в Западную Сибирь из европейской части страны. Эти люди не имели бытовых навыков выживания в суровых сибирских условиях и вследствие крайне короткого здесь строительного сезона (около трех месяцев) нуждались в немедленном обеспечении жильем.

Между тем города в годы первой пятилетки так и не были построенны, а без жилого и культурно-бытового фонда промышленные стройуправления и горсоветы не могли закрепить для строительства тех же городов необходимое число строительных рабочих. Так, представитель Кузнецкстроя докладывал в июле 1935 г., что «в части рабочей силы только по линии комбината требуется 9 500 чел. при наличии сейчас около 3 тыс. чел., то есть нам придется эту рабочую силу где-то

изыскивать, так как мы сейчас имеем меньше, чем требуется по плану этого года» (ГАНО 1935а: 40).

Высокая текучесть рабочей силы не позволяла планомерно повышать ее квалификацию. В отчетах горсоветов Западной Сибири 1930-х гг. регулярно отмечалось, что «частным явлением» на стройках было крайне низкое качество работ: «...сырое и рассыхающееся дерево в переплетах, дверях и полах; протекающие кровли, неровная штукатурка и грубая затирка, потеки на стенах» (ГАНО 1937: 76).

Выводы

Подводя итог, можно говорить о том, что существование в Западной Сибири 1930-х гг. так называемых недостроенных городов было закономерным явлением. Незавершенное строительство прямо вытекало из неподъемного объема задач, фактически выпавшего исполнителям планов индустриализации в Западной Сибири. Лишь за счет предельного напряжения всех сил и средств удалось построить промышленные предприятия первой пятилетки. Но чтобы создать при них полноценные социалистические города, требовались, как становится теперь очевидным, новые, почти вдвое большие затраты и усилия. При этом концепция расселения 1930-х гг., направленная на разрыв исторической преемственности, только заострила целый ряд неблагоприятных факторов.

Западносибирские условия первых пятилеток сами по себе создавали большие трудности для крупного строительства (суровый климат с коротким строительным сезоном, слабая заселенность, редкая сеть путей сообщения, удаленность от европейской части страны и т.д.). Однако адаптационные мероприятия не были проработаны. В пределах края не только добывающие, но и крупнейшие металлургические и машиностроительные предприятия были размещены вблизи месторождений. Это были самые неосвоенные места, где предстояло с нуля создавать не только комбинаты-гиганты, но и всю среду жизнедеятельности человека: сеть сельскохозяйственных поселений для снабжения, транспортную и строительную инфраструктуру и главное – города.

Стоимость строительства последних, как правило, превышала стоимость строительства градообразующих предприятий. Между тем вложения в жилищно-коммунальную сферу новостроек были многократно преуменьшены. Каждый город требовал миллиардных затрат, однако на гражданское строительство в предвоенное десятилетие ежегодно выделялись суммы лишь в 10–20 млн руб. Оказавшиеся в новых районах единственными крупными застройщиками строительные управления промышленных предприятий физически, вследствие своих мощностей и специфики, не могли быстро освоить необходимые вложения. Новые города остались недостроенными, а развитие исторических за-

медлилось. Красивые идеи «совершенно новых» поселений на практике обернулись «распылением» средств.

Литература

Бурумов А., Харит Я., Лебединский Д., Семейкин В. и др. Западная Сибирь за пятнадцать лет существования советской власти // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 9. С. 3–31.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1866. Постановления СНК РСФСР, Наркомата комхоза РСФСР и переписка с крайисполкомом о пересмотре генерального проекта планирования г. Сталинска. 1933–1935. 50 л.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1517. Докладная записка о перспективах расширения г. Томска (1929–1930 г.). 1929а. 17 л. а.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1528. Заключение комиссии по выявлению подходящего места для постройки Вагоностроительного завода. 1929б. 13 л. б.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2059. Протокол совещания при ЗСКСНХ комиссии по определению места для стройки завода горного оборудования, постановления промсекции и Президиума Запсибкрайисполкома о строительстве завода горного оборудования в г. Новосибирске. 1930. 36 л.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 86. Проект строительства Второго кузнечного металлургического завода. 1933. 320 л.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 267. Постановления, планы, отчеты, доклады, докладные записки по жилищно-культурному и социально-бытовому строительству г. Сталинска. 1933–1934. 209 л.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 269. Постановление президиума Запсибкрайисполкома о социально-культурном обслуживании населения г. Прокопьевска; доклад о развитии народного хозяйства в Прокопьевском районе; выписка из отчета о работе Прокопьевской гидрологической партии на площадке «Углеград». 1932. 62 л.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 719. Основные показатели жилищного, коммунального хозяйства, здравоохранения и просвещения по Зыряновскому, Анжеро-Судженскому районам, городам: Кемерово, Новосибирску, Омску, Томску, Таре и Ойротской автономной области на 1935 год. 1934. 139 л.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1011. Стенограмма совещания о строительстве Южного Кузбасса. 1935а. 97 л. а.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1012. Стенограмма о развитии Южных районов Кузбасса. 1935б. 47 л. б.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1153. Контрольные цифры развития промышленности города Томска, его благоустройства, жилищного хозяйства, народного образования и здравоохранения. 1935в. 103 л. в.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1154. Контрольные цифры развития коммунального хозяйства, транспорта и сельского хозяйства Томского района и заводов г. Томска. 1935г. 186 л. г.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1173. Материалы по борьбе с малярией (планы работ на 1936 г., докладные записки, постановления). 1936а. 263 л. а.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1191. Конъюнктурные обзоры по коммунальному хозяйству и жилищному строительству. 1936б. 214 л. б.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1431. Постановления, протоколы совещаний, докладные записки, предварительные проекты планировки городов Запсибкрая. 1936–1937. 121 л.

ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1491. Справки, ведомости, доклады о строительстве в гор. Сталинске. 1937. 119 л.

ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 27. Доклад профессора Б.А. Коршунова о росте и планировке г. Новосибирска на общегородском собрании инженеров и техников. 1926. 56 л.

- ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Перспективный план развития коммунального хозяйства и жилищного строительства городов и рабочих поселков Кузнецкого округа на 1928–1932 гг. 1928–1929. 89 л.
- ГАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 334. Материалы о строительстве завода горного оборудования в г. Новосибирске (экономическое обоснование, чертежи, смета, переписка). 1930–1932. 35 л.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7451. Дело о планировке г. Барнаула. Том III. 1937. 109 л.
- ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7757. Дело о планировке г. Омска. Том III. 1935–1936. 114 л.
- ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7796. Дело о планировке г. Прокопьевска. Том III. 1933. 229 л.
- Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 283 с.
- Зельманович И. Стройматериалы Большому Кузбассу // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1934. № 4-5. С. 35–44.
- Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. 2-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009а. 440 с.
- Косенкова Ю.Л. Советская архитектура в поисках средств создания благоприятной среды // Academia. Архитектура и строительство. 2009б. № 5. С. 15–19.
- Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования: Сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН. М.: УРСС, 2010. С. 335–351.
- Косенкова Ю.Л. Проблемы становления районной планировки в СССР. 1920–1930-е годы // Academia. Архитектура и строительство. 2011. № 2. С. 68–77.
- Меерович М.Г. Концепция социалистического расселения [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2008. № 3 (23). URL: http://archvuz.ru/2008_3/7 (дата обращения: 08.09.2014).
- Меерович М.Г. Административно-хозяйственное районирование страны в 1920–1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: УРСС, 2010. С. 8–28.
- Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР, 1928–1932 гг. М.а: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 268 с.
- Меерович М.Г. «Генетики» и «телеологи» – дискуссия о районировании СССР [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2012. № 4 (40). URL: http://archvuz.ru/2012_4/8 (дата обращения: 08.09.2014).
- Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 370 с.
- Трелин И. Размещение промышленности края во втором пятилетии // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 5. С. 12–22.

Статья поступила в редакцию 25 января 2017 г.

Dukhanov Sergey S.

PROBLEMS OF WESTERN SIBERIA'S "UNFINISHED CITIES" IN THE 1930S*

Abstract. This article discusses the causes of the crisis in urban planning in Western Siberia in the 1930s. The author analyzes economic problems of urban development and identifies financial expenses needed to establish new settlements, actual investments made in urban construction, as well as factors that limited the allocation of funds. The conclusion drawn is that, contrary to the concept of socialist resettlement implemented under the first five-year plans (pyatiletki), the actual cost of building new cities was higher than that of city-forming

enterprises, and this was one of the main causes of the crisis. Investments in housing and communal services were insufficient for the building of full-fledged cities. The capacity of building infrastructures put in place lagged well behind the actual needs of civil engineering, and the erection of new buildings in completely undeveloped areas only exacerbated the shortage of funds. The study is based on archival sources.

Keywords: industrialization of Western Siberia, socialist city, “unfinished city”, history of Soviet urban planning

* The research is done with financial support from the Russian Ministry of Education and Science as part of a research project under the programme, titled ‘The statement of state tasks for higher education institutions to conduct research’. State Task № 2014/137.

References

- Burumov A., Kharit Ia., Lebedinskii D., Semeikin V. et al. Zapadnaia Sibir' za piatnadsat' let sushchestvovaniia Sovetskoi vlasti [Western Siberia in the fifteen-year period of Soviet power], *Sotsialisticheskoe khoziaistvo Zapadnoi Sibiri*, 1932, no. 9, pp. 3-31.
- Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [The State Archives of Novosibirsk Region (SANR)], F. R-47, in. 1, c. 1866.
- GANO*, F. R-12, in. 1, c. 1517.
- GANO*, F. R-12, in. 1, c. 1528.
- GANO*, F. R-12, in. 1, c. 2059.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 86.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 267.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 269.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 719.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1011.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1012.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1153.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1154.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1173.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1191.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1431.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1491.
- GANO*, F. R-531, in. 1, c. 27.
- GANO*, F. R-917, in. 1, c. 50.
- GANO*, F. R-1980, in. 1, c. 334.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archives of the Russian Federation (SARF)], F. A-314, in. 1, c. 7451.
- GARF*, F. A-314, in. 1, c. 7757.
- GARF*, F. A-314, in. 1, c. 7796.
- Dmitrienko N.M. *Sibirskii gorod Tomsk v XIX – pervoi treti XX veka: upravlenie, ekonomika, naselenie* [The Siberian city of Tomsk in the XIX to the early XX century: management, economy, population]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 283 p.
- Zel'manovich I. Stroimaterialy Bol'shomu Kuzbassu [Construction materials for Greater Kuzbass], *Sotsialisticheskoe khoziaistvo Zapadnoi Sibiri*, 1934, no. 4-5, pp. 35-44.
- Kosenkova Yu.L. *Sovetskii gorod 1940-kh – pervoi poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [The Soviet city in the 1940s to the first half of the 1950s. From creative search to the practice of building]. Moscow: «LIBROKOM», 2009. 440 p.
- Kosenkova Yu.L. Sovetskaya arkhitektura v poiskakh sredstv sozdaniya blagopriyatnoi sredy [Soviet architecture in search of means of creating enabling environment], *Academia. Architecture and Construction*, 2009, no. 5, pp. 15-19.

- Kosenkova Yu.L. Opyt formirovaniya pravovoi osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920–1930-e gg. [The formation of the legal basis of Soviet city-planning. 1920–1930-s], *Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniia. Sb. nauch. trudov NIITIAG RAASN* [The art of urban planning. New materials and research. A collection of research writings. Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (NIITIAG RAASN)], Moscow: URSS, 2010, pp. 335–351.
- Kosenkova Yu.L. Problemy stanovleniya raionnoi planirovki v SSSR. 1920–1930-e gody [Problems of regional planning in the USSR. 1920–1930-s], *Academia. Architecture and Construction*, 2011, no. 2, pp. 68–77.
- Meerovich M.G. Kontseptsiya sotsialisticheskogo rasseleniya [The concept of socialist resettlement], *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2008, no. 3 (23). Available at: http://archvuz.ru/2008_3/7 (Accesses 8 September 2014).
- Meerovich M.G. Administrativno-khozyaistvennoe raionirovanie strany v 1920–1930-kh godakh – osnova gradostroitel'noi politiki sovetskogo gosudarstva [The country's administrative-and-economic zoning in the 1920s and the 1930s as a basis of Soviet urban planning policy], *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920–1930-kh godov: Novye issledovaniia i materialy* [Soviet urban planning in the 1920s and 1930s: New research and materials]. Ed. by Yu.L. Kosenkova. Moscow: URSS, 2010, pp. 8–28.
- Meerovich M.G., Konysheva E.V., Khmel'nitskii D.S. *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR, 1928–1932 gg.* [A cemetery of socialist cities: urban planning policies in the USSR, 1928–1932]. Moscow: ROSSPEN; Fund «Presidential Center B.N. Yeltsin», 2011. 268 p.
- Meerovich M.G. «Genetiki» i «teleologi» – diskussiya o raionirovanii SSSR [“Geneticists” and “teleologists”: a discussion about the zoning of the USSR], *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2012, no. 4 (40). Available at: http://archvuz.ru/2012_4/8 (Accessed 8 September 2014).
- Ryzenko V.G. *Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gody: voprosy teorii, istorii, istoriografii, metodov issledovaniya: monografiya* [Intellectuals in the culture of a big Siberian city in the 1920s: theory, history, historiography, and research methods: a monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta; Omsk: Omsky gos. un-t, 2003. 370 p.
- Trelin I. Razmeshchenie promyshlennosti kraia vo vtorom pyatiletii [Industry of the region in the second five-year plan], *Sotsialisticheskoe khozyaistvo Zapadnoi Sibiri*, 1932, no. 5, pp. 12–22.